

О СЕСТРЕ

8 июня 1946 г. в сахалинский порт Отомари (ныне Корсаков) прибыл грузо-пассажирский пароход «Приморье», на котором находились и мы: мама, моя старшая сестра Нина и я, проделавшие двухмесячный путь из Рязанской области.

Нас встречал наш папа. После окончания Московского военного института иностранных языков (восточный факультет) он был направлен на Дальний Восток и участвовал в освобождении Сахалина и Курильских островов от японских

захватчиков. Знание японского языка потребовалось здесь, и он решил остаться на Сахалине.

Вот так мы и оказались на самом краю света.

Город, где мы стали жить, назывался по-японски Тойохара (ныне – областной центр г. Южно-Сахалинск). Мы жили в японском одноэтажном, продуваемом всеми

Н. П. Саблина, В. С. Саблина (Котова) – мать, В. П. Читаева (Саблина) – сестра

ветрами домике. Соседями были японцы. И Нина (ей было восемь с половиной лет, а мне – всего шесть) уже бойко повторяла некоторые японские фразы, выучилась у японских детей их азбуке, счету, коротким детским стишкам.

В 1947 году японцев с Сахалина репатриировали, вместо них стали селиться русские семьи, и все окрестные мальчишки и девчонки дружили между собой.

Нина была главным организатором тимуровской команды. Во дворе нашего дома стоял сарай, который стал нашим штабом. По всему двору были развешаны веревками с пустыми консервными банками (это была сигнализация для сбора тимуровцев), на высокой мачте (это была обыкновенная жердь) каждое утро поднимали красный флаг, регулярно проводили сборы, получали задания и

отчитывались о выполнении. И, точно по Гайдару, помогали престарелым и одиноким: носили воду, рубили дрова, присматривали за маленькими детьми. Наша тимуровская команда просуществовала несколько лет.

Потом мы увлеклись театром. Нет, спектаклей мы не ставили, а просто разыгрывали сценки, пели песни, частушки, читали стихи. В пристройке к нашему дому мы навели порядок и открыли «театр». Доступ в него был свободен для всех окрестных жителей, а на сцене блистали мы, артистки. Кстати, так нас и называли. В 1954 году, после окончания школы, Нина написала заявление в ГИТИС и отправилась в Москву, но оттуда ответили, что в этом году приема не будет. Так артистическая карьера Нины не состоялась, но всю жизнь она любила петь русские народные песни, в любой компании была главной певуньей, всегда участвовала в художественной самодеятельности. А артистические наклонности, умение говорить помогало ей впоследствии в годы учебы в институте, в работе со студентами, в общении с коллегами.

А еще Нина писала стихи, которые публиковались в местных газетах, звучали по областному радио. И сама она иногда заявляла: «Я буду поэтессой».

Но главным делом для нее, конечно же, была учеба. У нас в семье был просто культ учебы и образования. Это все шло от родителей. Я всегда удивлялась, как это отношение к учебе сформировалось у папы и мамы, детство и юность которых прошли в самой рязанской глубинке. И тем не менее папа, например, закончил финансово-экономический техникум и два института, мама закончила семилетку, что тоже немало для деревни. И детям своим они передали стремление учиться. Так, Нина закончила вуз и аспирантуру, я – Южно-Сахалинский пединститут, Коля (старший из братьев, родившихся на Сахалине) – МВТУ им. Баумана, Сергей – юридический институт.

Когда мы учились, домашним хозяйством занималась мама. Мы по мере сил помогали ей: нянчили братьев, ходили за травой для кур, собирали щепки для печки и даже зимой ездили с папой в ближайший лесок и рубили березки на дрова. Но чаще заботы по дому мама брала на себя и говорила: «Пусть девки учатся».

Учились мы очень хорошо. Нина шла на серебряную медаль, но не получила ее: подвела лишняя четверка. Нина очень переживала по этому поводу.

Но когда в 16 с половиной лет после школы она поехала в Москву, вступительные экзамены в МОПИ им. Крупской сдала на все пятерки. Выбрала она филологический факультет. Видимо, ее выбор и восторг как-то передался мне, и я тоже в свое время поступила на историко-филологический факультет нашего сахалинского института.

Студенчество для Нины было боевым, но голодным (наверное, как и для

Нина Павловна на целине

большинства студентов 50-х годов). Жила сначала у тети (родной маминой сестры), а вскоре получила место в общежитии. Родители высылали ей 300 руб. (такую сумму определил папа; больше не могли, т.к. в семье было еще трое детей, а работал один папа). Конечно, было трудно и нам, и Нине в большом городе. Кроме упорной учебы, бесконечного сидения в библиотеках, студенчество ознаменовалась целиной и шестью диалектологическими экспедициями в Вологодскую область и на Камчатку. На целине она водила трактор и получила медаль «За освоение целины».

Окончив институт, Нина приехала на Сахалин и была направлена учителем английского языка в маленький поселок Пильво, а затем в Широкую Падь. Это были леспромхозовские поселки, и сейчас на карте Сахалина их нет.

Несмотря на то, что Нина много прожила на Сахалине, красота окружающих пейзажей и моря буквально очаровала ее (см. Приложение).

Через год Нина переехала в город Углегорск (там тогда жили родители) и работала в школе-интернате. Этот год был театральным (участие в самодеятельном народном театре, 4 спектакля которого были широко известны в области, световые газеты в Доме культуры и другие дела).

Но мысль об аспирантуре не оставляла, и Нина вновь отправилась в Москву. Опять сдала экзамены на пятерки. Три года учебы в очной аспирантуре, кандидатская диссертация по русским говорам Камчатки, а затем – в 29 лет – защита.

Такая подготовка и 26 лет работы в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте (прошла путь от ассистента до доцента, заведующей кафедрой) дали ей такой опыт в изучении и преподавании русского языка, старославянского языка и диалектологии, который позже позволил ей так глубоко проникнуть в глубины уже церковнославянского языка.

И целых 16 лет, вплоть до самой смерти, сестра занималась изучением и популяризацией церковнославянского языка. Впрочем, об этом лучше всего могут знать ее друзья и коллеги по церковной деятельности (и о работе на «Православном радио Санкт-Петербурга», и о написании брошюр и учебников, и об участии в Рождественских чтениях и других конференциях, и о просветительской работе на семинарах, и об авторских курсах в консерватории, и о сотрудничестве в православных школах, и о многочисленных поездках для передачи опыта, и т. д.).

А мы, ее родственники, запоем ее жизнерадостной, веселой, душевной. Она была гостеприимной, щедрой хозяйкой и просто добрым человеком. У нас рано умер отец (в 49 лет), нас осталось четверо детей, и Нина, как старшая, очень помогала нам, особенно брату Коле, которому она дала денег для поездки с Сахалина в Москву и все годы его учебы в МВТУ им. Баумана помогала.

Она была очень целеустремленным и принципиальным человеком. Ей ничего легко не давалась, всего она добивалась своим усердием и упорством. Поэтому не любила ленивых и безответственных людей.

Она всегда имела свою твердую точку зрения, но если во что-то верила, то безоглядно, до конца. И когда она пришла к вере в Бога и стала воцерковленным человеком, то отдавала всю себя, все свои силы и здоровье служению церкви.

Ее глубокая вера меня буквально поражала. У нас с ней на Сахалине была общая дача. Собственно, это была полоска освобожденной от тайги земли, и в лесу водились гадюки. Без резиновых сапог ходить в лес было опасно. А Нина ходила в босоножках. Я как-то спросила, как она не боится. Она ответила так: «А я помолюсь – и иду».

Приложение

отрывок из письма Н. П. Саблиной подруге, 1963 год

Милая моя, дорогая Аллочка, здравствуй!

Огромный привет тебе из Широкой Пади!

Вечер, где-то за тремя-четырьмя улицами плещется море. Мы с Антониной пошли туда глядеть на закат, но пока покупали в магазине шоколадки, почти стемнело (если бы еще стояли в очереди, тогда вероятно, мы попали бы на пирс к тому времени, когда там робко разгоралась бы стыдливая нежная заря). Правда, заря, бы разгоралась не над морем, а за сопками, которые буквально стискивают Широкую Падь, надвигаются на нее. Выход один – море. Так вот, мы получили возможность проникновенно сказать: «Как ты прекрасно, о море ночное!» Оно действительно прекрасно: разорванные серо-черные тучи, на горизонте очень узенькая, красная, но уже неяркая полоска позднего заката. Пирс, выступающий далеко в море, на нем столбы с лампочками. От света электрического на морских волнах около пирса пляшут блики. Море с шумом ударяется в пологий песчаный берег. Сбоку – причудливая скала, от нее возле берега из воды выступают камни, волны распадаются об них на мелкие белые брызги. Около пирса покачивается на волнах катер с потупленными огнями и плашкоут (буксир) далеко на морских горизонтах красные огоньки катеров, как в степи на горизонтах огоньки тракторов, но это не та степь, и «чужое племя около» (Герцен). При всем этом чудесный, свежий, чуть-чуть холодноватый, влажноватый морской воздух.

Пы не смейся над моей нескладной поэзией. Ведь море – это всё, к морю я несу всю свою душу: радости, печали.

Знаешь, Алла, я – счастливая. Я твердо верю, что мы встретимся, что снова буду в Москве, мечтаю об аспирантуре. Скорее бегите, два года!